

Олег ЕФРЕМОВ:

БЫТЬ ЗРЯЧИМ — ТАЛАНТ НЕМАЛЫЙ

МОСКОВСКИЙ художественный академический театр. Репетиция.

— Артисты вышли на сцену первый раз, вернее, новая пьеса вышла на сцену первый раз. Это в театре всегда экзамен, на котором нет экзаменаторов и все экзаменуется... Она появилась как-то сразу — Степанова, Калыгина, Саввина, Евстигнеев, Невинный, Щербаков, Вознесенская, Васильева, Гуляева, Егорова, Брусикины — быстро разбрелись, у каждого своя цель и свой план что-то вымыслить, узнать. Они присматривались к дому, в котором им предстояло прожить три непростых дня, присматривались и друг к другу, тогда теперь только и увидели каждого в масштабе их общего дела. Надо взглядеться, подстроиться, ухватить главное в пластическом облике. Манера двигаться, шутить, волноваться, — нет, тут уж не до манер. А волнение странным образом нарастало...

Сейчас все, что выясняя, прикидывая, находили в «эскизах» репетиции, бюджет испробовано в «условиях, близких к полету». И даже сам автор, Александр Мишарин, в зале не сразу берет себя, почему мне слова терпят свою энергию, другие — обретают... Волнуется художник Давид Боровский: как отнесутся актеры и дому, который он придумал и построил. Весь первый этаж в разрезе расстанут по фронтону на всю сцену и даже выдвинут в зал боковинами. Домиче добротный, занутри обшит деревом, просторный, ладный какой-то... Хорош дом — одно из главных «действующих лиц»: «А что дом, дорого ли стал?» — «Все до копеечки...» — «Да, отдай я его, под детский дом отдай». «Дом стоит переживаниями», — говорит Олег Ефремов, и от этих слов главного режиссера — постановщика спектакля на сцене сразу становится веселее...

— В этой пьесе подслушиваю все неудовлетворенности существования дел. Взаимоотношения людей потеряли естественность, чиновничье стало инстинктивно. Герои пьесы живут в райцентре — местное начальство, — многого они не видят или не хотят видеть; зрение их и чувства искажены. Они стараются уловить «настроение мо-

ментал»: а если это не временная кампания, а серьезная и глубинная перестройка... Мы хотим дать социологический портрет. Можно было с первой репликой сделать сатиру, издеваться и смеяться над чванством, но хочется все серьезнее распознать — позиции, раздумья, волнения, растерянность героев в связи с перестройкой, которая происходит сейчас в стране. Очевидные примасы жизни и так всем видны: есть еще что-то трудно различимое и требующее мнения преобразователя, а не просто осуждателя. Надо понять корни, понять людей. Бывают моменты, когда хочется крикнуть: вот это я ненавижу! И даже человека какого-то. Но уже в следующую минуту ты начинаешь думать, пытаешься найти ответ: почему же это существует, откуда это возникает, почему человек такой? Быть зрячим тоже талант немалый.

Этот дом всем мерещится, точно он один всю беду снимает. Он постоянно в подтексте, у всех на уме, и у зрителя на глазах. Одновременность действия в разных концах сценической площадки — в кабинете, на кухне, в столовой — должна создать ощущение непрерывного жизненного потока. Артисты понимают своего режиссера, но задача от этого не становится легче. Кинематограф монтажно дал бы нам единство происходящего, а здесь как «склеить» отдельные реплики — блики разных разговоров, чтобы в восприятии зрителя произошло воссоединение смысла? Текущая, видимая неперитязательность, у каждого дела, заботы — и общая встревоженность известием о снятии Выборнова, — Не снят, а освобожден! В связи с переходом на другую работу... Что за скучным газетным сообщением о знаменитом земляке? Ведь он был их кумиром...

Пока все они, артисты, отчаянно, каждый со своей ролью. Их надо связать не только одним взаимосценческим движением, но единой страстью. — Подготовкою к постижению цели. Все ведут свою «партию» непрерывно, но одновременно у всех предельная сосредоточенность на главном. Все всё слышат, все всё понимают; и то, о чем говорят, и то, о чем молчат. Пожалуй,

— обращается режиссер к Калыгину, исполняющему роль Голощапова, — еде раз монолог. С этим персонажем уже много изменений произошло. Первоначально был он жуликоват, мелок, но теперь это энергичный «делец», который «за любое дело возьмется, и все себе на пользу». — Идиотизм! Человек всю жизнь отдал, всего себя до крамок! А простого дома, как сам хочет, построить не может! Нет, товарищи! Ему, Важнову Пауку Романовичу, может, не из листочницы, а из мрамора каррарского дома полагается строить...

— Жестче, жестче, увереннее, — и Олег Ефремов уже на сцене. — Он же не из пугливый, он и в народном контроле найдется, что сказать, и везде. — Он мне какне-то цифирки суит.

И уже поменялись местами режиссер и актер, и амги как-то точная общественная энергия подлижила всех.

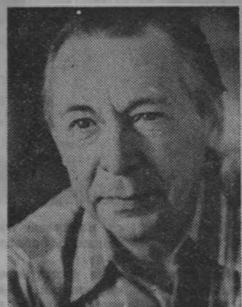
— Кондиционная — некондиционная древесина. Кирпич спиланный, бесписанный. Чинуйся! — кричал Ефремов. — Мушкетерские! — вздохнул, махнул рукой: — Нет. Не там заруцйден...

И пока Ефремов спускается в зал, Невинный дразнит Калыгина: «Шит тебе так сыграть!» А потом тот репетирует, все лучше, все интереснее и каждый раз по-новому, и приходится прокричать: «Нет, сыграет, может быть». И все дружно смеются. Сыграет и Калыгин, и Невинный, и Евстигнеев, и Щербаков, все сыграют, и сыграют лучше, чем сегодня итрает режиссер, заржая их своим темпераментом, остротой социального чувства.

— Парадокс: общение с современностью искусству труднее всего. Здесь все дается только себя. И все дружно смеются, потому что вокруг нас. Лев Толстой недаром записал в дневник, что «художник изучает не то, чему хочет, а то, чему может. То, что он победил в себе, и стало преодоленной точкой зрения, то он может обличить, то, что он не только считает хорошим, но то, что он страстно любит, то только он может заставить полюбить».

Внутренний мир художника множеством нитей связан с жизнью и судьбой людей. И духовная работа художника открывается нам как часть дуговой работы, совершенной народом. Но мне кажется, что очень часто у нас судят и говорят об искусстве без учета сложной специфики взаимоотношений художника с жизнью. Страсть и привычка и регламентации стали какими-то общественным недоразумением. Нередко мы тоже испытываем мелочную олеку. И порой велико устоять перед благодарными советами «не дискутировать», подождать... Компетентная критика, анализ в отдельный сезон необходим, мы не только не уклоняемся от этого, но в этом заинтересованы. Начиная работу, мы сами не всегда знаем, как она пойдет. Тут нужны доверие и терпение. Ведь театру непростое уловить то, какое, что рождается в жизни, и сказать об этом заинтересованно и своевременно. Груз успеха и неудача ложится на плечи художника, а раз так, то мы за то, чтобы повысить ответственность театра и за репертуар, и за спектакли.

На сцене постоянно что-то происходит, все движется, перемишляется, хочется весь дом, целиком, держать в поле зрения. (Костюмы пока приблизительные, только детали, чтобы стиль обозначить, но артисты уже иначе чувствуют. Саввина и Вознесенская, Васильева и Гуляева — такие разные, и слов не так много, а Степанова вообще появляется на несколько минут, но ощущение характера, судьи, сразу различает границы публицистической драмы. Правда, женщина внимания достается немного, суть в мужичинах. Они тут ответственные работники», «официальные лица», у них «вся жизнь кувырком летит»). И поэтому то одному, то другому подбрасывает взрывающая волна откровения, и он пытается обяснить себя и свое понимание жизни, и недоумение, и сомнение. И в эти минуты рядом оказывается режиссер, и ходят по сцене два Важнова, два Выборнова, два Голощапова, два Сирых... Ефремова точно жил в этом доме, точно все их жизни прожил, понял каждого, осудил, пожалел. Важнов — человек со-

востлиный, молчал, молчал — и напокилось.

— Да я ведь все честно выполнял! Все по линейке, с тебей, так сказать, пример браи... Все твою политичку, как свою, прооводил... Ласкали меня, проработывали, награждали — ты не забывай!

И еще, и еще раз прозвучит монолог Важнова, и когда уже сил не будет, режиссер вернется к предыдущей сцене, но не отпустит их, не сделает паузы. Возникло напряжение, нервность, которую нельзя упустить, — сейчас будет схвачена суть, смысл всей этой затеи. И Ефремов подзаорывает Невинного: «Каков твой председатель колхоза — толстая, куркуля, умница? С советью «в полосочку? Ну, давай-давай!». И точно бег на короткой дистанции: читает вдвоем монолог, один от другого заражался и нагнетал все ту же энергию откровения.

— Да только с мешком-то нашим что-то неладно... Оттуда сыплется, там воруют, здесь приписывают...

— У тебя-то самого мешок не равный? — Я хозник. Ты меня с ними не равный. Я у них всегда выногал. Выногал, что у меня каждый год хлеб! Не то, что у других. А они мне: не высовывайся! Выногал, что животноводство, а у других — падеж! Не козырять, не выхваляться! Выногал, что с жильем хорошо... что жилищника, Дом культуры, детские сады... Создалсь себе лажный авторитет... Выногал, что бакод три с половиной миллиона. Выногал, что нести тебе любое наказание!

— Ничего, ничего, горези. Мы люди выдержанные.

И тут уже взрыл! Смотрит он на Голощапова, мастера демагогии, лютоими глазами: такого не проймешь. Все у него гладко, предусмотрено, все слова правящие, методы испытанные — члюдисано — и с плеч долой, о государствене печется, а на самом деле ничего, кроме мелких интересов корыстной личности, не было и нет.

— Нарожали мы их, удобных да правыхми! Да выдержанных. Дерет такой удобный по своему месту, как раньше по какой «процентике» не браи... С таким отчаянием, с такой болью пролезает это Невинный, что всем стало ясно: получилос. Поверили.

— Чтобы нам поверили, надо чтобы все мы знали, ради чего, знали свою сверхзадачу. Не хотелось бы утилитарно формулировать, но пьеса «в связи с переходом на другую работу», которую мы репетируем, как мне кажется, всем своим духом утверждает необходимость перемен. Перемены, о которых сейчас настоячно говорит партия. И если не спрашивают нас в анкете: «А ты человек порядочный? С советью? Отдашь ли за людей последние?» — надо все же сделать так, чтобы никому не удалось уклониться от ответа на этот прямо поставленный вопрос.

«Нас губит неправда». А что такое полуправда, неполная правда, как не ложь? Как не отступничество от наших идеалов? Мы хотим, чтобы на сцене и в зале все задумалось над этим. Если мы увидели это в жизни, это нас волнует, если нам интересно в дороге, то мы можем надеяться, что нас поймут.

Когда мы этим летом поехали на гастроли в Красноярск и решили показать там наш старый спектакль «Заседание парткома», мы и не предполагали, что может быть такой успех. Фильм «Премия» вся страна видела, спектакль Товстоногова и наш показывали по телевидению, по радио звучала пьеса. И вдруг сегодня такой горячий прием. Чем это объяснить? Драматург Александр Гельман открыл нравственную проблему, ставшую спустя десятилетия насущной производственной проблемой. И спектакль подарил артистам такое единение с залом, что я поразился. Ради этого контакта и существует театр, этого и добиваются.

Художники не надо другого места в обществе, ни более теплого, ни более почетного. Важно только, чтобы те место, которое художник действительно занимает — место работника и творца, — было осознано. И давайте чаще думать о практической пользе художественных идей в развитии общества, его моральных установлений и его будущего. Художники, писатели, артисты — все, что работает на имени духовного производства, видит серьезный смысл своей деятельности в том, чтобы помочь людям в возмужании жизни. Искусство, исследуя реальность и отражая ее в образном мире, становится своеобразной «тепловой общественной чувств» и служит их развитию и обновлению.

Первые сценические репетиции смотришь, как фильм за монтажным столом, действие вдруг останавливается, возвращается к началу, один и те же сцены повторяются раз, другой, третий, только в отличие от пленки все каждый раз другое, все обновляется — взгляд, интонация, чувство, мысль...

Евстигнеев идет, нащупывает состояние своего героя Выборнова. Ефремов терпеливо, прислушивается, ждет...

Выборнова здесь все знают, в войну в двадцать два года он вольбранном рудником командовал и был для людей «и бог, и царь, и воинский начальник». Говорили про него недаром, что «электричество не от диньки, а от Выборнова подключи можно». И мать его Марию Ивановну, сельскую учительницу, все знали и любили.

Для кого-то это медвежий угол, а для него родина. Все ему знакомо, дорого. Как же случилось, что эти люди, которые он поддерживал, опекал и выдвигал, которые чуть ли не молились на него, вдруг обрели иные лица. И они смотрят на него с недоверием, и он их не узнает. И Важнов, который «как теревея дробью, осколками начинен», честнейший был мужик, так вот скрутило его...

И этот морщок Голощапов — его же и мы подумают, во что разовьется его обиднейший талант?.. Чувствует и он, Выборнов, свою вину, свою причастность... Что же сказать мы все, улетая в Москву, после всего горького и злого, несправедливого и откровенного, что тут произошло?.. «Надо ломать и гнуть отжившие идеи!» Нет, эта фраза из другого спектакля, но звучит она сегодня в душе каждого. Потому что леннская непримиримость и косность, ленность, чванство и есть то главное, ради чего театр работает. В спектакле «Так победили» нервным голосом Калыгина, исполняющего роль Ленина, слова эти звучат как призыв: «Надо ломать и гнуть отжившие идеи!»

Надо. И чтобы зрители это поняли, осознали, прочувствовали, спектакль должен говорить об этом ясно, внятно, твердо.

...Большой свет убрала, сцена погрузилась в полумрак, а может быть, это показалося, потому что заглянул свет в партер. Огромный, пустой, с зачелленными креслами зал странным образом излучал напряжение. «Спасибо. Все свободны».

Рабочие уносили стены дома, реквизит, мебель. В зале Ефремов с автором, художником, завлитом еще утюжили акценты, взаимосценцы. Работа продолжалась. Недаром поэт сказал: «Нельзя водрузить знамя, не бросаясь в атаку».

Н. ИСМАИЛОВА.